
Дома и въ школѣ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Я родился въ 1836 году въ началѣ января въ селѣ Чириковѣ, Владимірской губерніи и того же уѣзда. Родитель мой Афанасій Ѳеодоровичъ Полисадовъ, по окончаніи курса наукъ во Владимірской семинаріи, былъ опредѣленъ священникомъ этого села и священствовалъ въ немъ около 40 лѣтъ. Онъ рукоположенъ былъ во священника Преосвященнымъ Владимірскимъ Ксенофонтомъ въ 1813 году и поступилъ въ село Чириково на мѣсто своего родителя, прослужившаго священникомъ въ томъ же селѣ почти 60 лѣтъ, такъ что отецъ и сынъ священствовали въ одномъ приходѣ приблизительно цѣлое столѣтіе. Мать моя Ксенія Яковлевна была родомъ изъ села Николо-поле, отстоящаго отъ г. Владиміра въ какихъ нибудь—20—25-ти верстахъ. Она была дочерью священника о. Кудрявцева.

Семейство моихъ родителей было большое. Во время дѣтства моего оно уже состояло, кромѣ отца моего, матери и двухъ сестеръ отца—престарѣлыхъ дѣвъ, изъ шести дочерей и сына, почему появленіе новаго

члена семьи, какъ я слышалъ послѣ, встрѣчено было неособенно привѣтливо, хотя увеличеніе семьи мальчикомъ для родителей моихъ все же было пріятнѣе, чѣмъ если бы у нихъ родилась седьмая дочь. Когда я родился, старшему брату моему было девять лѣтъ, три сестры мои были уже невѣсты, а три подростали. Чириковскій приходъ, состоявшій тогда изъ села Чирикова и деревни Палашкина, ¹⁾ былъ очень бѣдный, имѣлъ всего 400 душъ, изъ коихъ почти половину составляли разоренные помѣщичьи крестьяне, почему доходы причта были крайне незначительны. На весь причтъ, состоявшій изъ священника, дьячка и пономаря, приходило не болѣе 300 рублей по тогдашнему счету на ассигнаціи. ²⁾ При такихъ скудныхъ доходахъ средства къ жизни пріобрѣтались личнымъ трудомъ, состоявшимъ въ пользованіи землей, которой обычно для причта отводилось въ количествѣ тридцати десятинъ. Отецъ мой съ семействомъ неопустительно исполнялъ всѣ полевые, земельныя и хозяйственныя работы.

Въ весеннее и лѣтнее время отецъ самъ пахалъ и боронилъ землю, дѣлалъ посѣвъ зерна, убиралъ хлѣбъ, когда онъ поспѣвалъ, косилъ траву, металъ стога, складывалъ въ скирды вымолоченные снопы, вѣялъ зерно и отвозилъ его на мельницу для помола, словомъ исполнялъ тѣ же работы, какія обычно выполняетъ всякій заботливый крестьянинъ. Въ то же время матушка, сначала съ золовками своими, а потомъ съ дочерьми жала, вязала снопы, складывала ихъ—въ копны, крестцы и одонья, просушивала и убирала сѣно, выбирала ленъ, выбивала изъ него сѣмя и выбитыя волокна разстилала для смягченія ихъ и пробѣлки по лугу или жнивѣ подъ вліяніе солнечныхъ лучей, а сверхъ того, уже одна безъ дочерей, въ домѣ топила печи, согрѣвала воду, мыла посуду и готовила пищу для семьи. Такъ въ трудахъ и хлопотахъ длился и проходилъ въ домѣ моихъ родителей лѣтній рабочій день. Когда моимъ роднымъ случалось убраться съ своимъ ржанымъ и яровымъ хлѣбомъ раньше, чѣмъ убирались крестьяне, то старшія мои сестры, съ позволенія родителей, иногда нанимались у своихъ односельцевъ или у крестьянъ ближайшихъ селъ и деревень жать рожь или овесъ, за что получали 20 или 30 коп. въ день, начинавшійся съ ранняго утра и заканчивавшійся позднимъ вечеромъ. Матушка и сестры мои служили примѣромъ въ неустанномъ трудолюбіи даже для самыхъ исправныхъ и хозяйственныхъ крестьянъ. „За поповнами не угонишься въ работѣ; онѣ все впереди и все у нихъ идетъ спорѣе, видно имъ самъ Богъ помогаетъ“, говорили про нихъ крестьяне не то съ завистію, не то съ одобреніемъ. Въ полѣ у моихъ родныхъ сѣялись рожь, овесъ, ячмень, гречиха, ленъ, горохъ, чечевица и рѣпа. Для всего этого нужно было вспахать и взборонить не разъ землю, потомъ ее засѣять и опять вспахать и взборонить, потомъ уже стараться убрать плоды посѣяннаго непремѣнно во время и въ пору. Уборка огородныхъ растений, а также травы и сѣна въ

¹⁾ Палашкино въ настоящее время село.

²⁾ Счетъ денегъ на серебро сталъ употребляться не ранѣе половины 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, при чемъ употреблялись некоторые названія денегъ, въ настоящее время неизвѣстныя, напр. полушка, алтынъ, талеръ, лобанчикъ и др.

лугахъ тоже требовала своевременной и поспѣшной работы, часто замедляемой и затрудняемой ненастьемъ и дождями, такъ что лѣтнее время для моихъ родныхъ было такою же „страдаю“ въ полномъ смыслѣ, какъ и для крестьянъ.

Зимнее время давало моимъ домашнимъ свои особыя заботы и работы. Такъ какъ за лѣто ржаного хлѣба нажиналось довольно, примѣрно въ урожайный годъ до тридцати сотъ сноповъ, то обмолачивать ихъ такъ называемымъ „сыромолотомъ“ не успѣвали, а молотили еще и зимой съ „овина“. Топить овинъ было не легко, для этого требовалось большое умѣнье и большая осторожность, поэтому топилъ овинъ всегда самъ отецъ. Устройство овина было такое: сверху нѣчто въ родѣ небольшого, низенькаго сарайчика, покрытаго костерей и землей, внизу—глубокая яма, окруженная срубами, надъ ямой потолокъ съ отдушинами по сторонамъ; надъ потолокомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него лежали жерди, на которыя насаживались снопы. Въ ямѣ разводилась теплина, жаръ отъ которой проходилъ вверхъ къ снопамъ и сушилъ ихъ. Достаточно было какой либо малой искрѣ подняться отъ теплоты нѣсколько высоко, какъ могли вспыхнуть просушиваемые сверху снопы и загорѣться весь овинъ. Поэтому отецъ предъ тѣмъ, какъ опуститься въ яму, долго и усердно молился Богу и, разводя тамъ огонь, тщательно наблюдалъ за равномерностію его горѣнія и всетаки былъ въ опасности сгорѣть вмѣстѣ съ рожью и овинномъ...; но Богъ миловалъ: топка овина у родителя всегда обходилась благополучно, тогда какъ у сельчанъ нерѣдко вспыхивали овины, именно отъ неумѣнья соразмѣрять огонь въ разведенной подъ'снопами теплинѣ. ¹⁾ Впослѣдствіи, когда я нѣсколько подросъ, отецъ по неотступной моей просьбѣ бралъ и меня съ собою „топить или сушить овинъ“,—и для меня было величайшимъ удовольствіемъ сидѣть у разложенной теплоты и въ тлѣющихъ уголькахъ жарить картофель, которымъ мы съ отцомъ тутъ же и завтракали, такъ какъ топка овина происходила всегда утромъ. Когда снопы ржи, по сообщеніямъ отца, достаточно высушивались, онъ давалъ знать о томъ домашнимъ. Тогда приходили всѣ семейные, вынимали снопы съ овина, отвозили на гумно и здѣсь молотили.

Молотьба производилась цѣпами и, конечно, не одинъ день, а продолжалась въ періодъ времени отъ Рождества Христова до послѣднихъ недѣль великаго поста; молотили большею частію по утрамъ. Кромѣ молотьбы, занимавшей все утреннее время, родные мои остальную часть дня проводили тоже въ непрерывныхъ трудахъ и работѣ только иного вида. Отецъ или отправлялъ службу въ церкви, или исполнялъ требы по приходу, или занимался писаніемъ разныхъ церковныхъ документовъ, или ѣздилъ по дрова въ лѣсъ, или на мельницу для помола ржи, или исполнялъ какія либо работы по дому, по двору, по уходу за лошадыю и проч. Матушка топила избу, приготовляла посуду, просѣвала муку, растворяла хлѣбы, мѣ-

¹⁾ Въ настоящее время крестьяне рѣдко гдѣ сушатъ рожь „на овинахъ“, а больше сушатъ, разставляя рожь на прилѣкъ солнца, и уже не молотятъ снопы, какъ прежде цѣпами, а охлыстываютъ ихъ о колоду.

шала тѣсто, приготовляла изъ него разные короваи, ситники и лепешки, что бы всю этустряпню посадить въ печь и приготовить въ свое время сбѣдъ. Для большой семьи немало чего нужно было приготовить, хотя готовились кушанья самыя простыя, незатѣйливыя,—въ скоромные дни большею частію молочныя, а въ посты и постные дни—изъ полевыхъ и огородныхъ плодовъ и овощей: изъ зеренъ ржи, овса, крупы, пшена и изъ капусты, картофеля, свеклы, моркови, рѣпы, огурцовъ, луку и рѣдьки. При невзыскательной простотѣ пищи, простая была и вся столовая обстановка. Пища готовилась въ чугункахъ или глиняныхъ горшкахъ не на плитѣ, а въ печи, кушанья подавались на столъ, покрытый „столешникомъ“ домашняго рукодѣлья, кушали всѣ члены семьи изъ одной чашки деревянными ложками. Питье—квасъ наливался въ глиняные эмалированные кувшины съ высокимъ горлышкомъ, или—въ такъ называемые „бураки“, сдѣланные изъ береста. При кувшинѣ или буракѣ привѣшивался деревянный ковшъ, но для скорости иныя лица въ семьѣ при питьѣ обходились безъ ковша, прямо губами припадая къ краю посуды. Пообѣдавъ, чѣмъ Богъ послалъ, и убравъ со стола, сестры принимались готовить кормъ для скотины, предварительно размѣстивъ ее по опредѣленнымъ мѣстамъ. Такъ крупный скотъ лошадь и коровъ оставляли (на ночь) въ хлѣвахъ, а мелкій—овецъ, телятъ и поросятъ загоняли въ „омшаники“, гдѣ было гораздо теплѣе, чѣмъ на дворѣ въ хлѣвахъ. Лошадь и овецъ кормили сѣномъ, а для коровъ дѣлали такъ называемую мѣшанку изъ ржаного и овсянаго колоса, посыпаемаго мукой и отрубями и смоченнаго теплой водой. Сѣно и колосья приносили изъ гуменика, находившагося въ порядочномъ разстояніи отъ жилыхъ строеній, для чего приходилось вязнуть въ снѣгу, котораго въ иныя зимы выпадало по задворкамъ въ большомъ количествѣ. Воду для питья скотины сестры приносили изъ колодца ушатами,нося ихъ на длинныхъ коромыслахъ, концы которыхъ клались на плечи двумя сестрами. Уборка и кормленіе скота, котораго на дворѣ бывало больше дюжины головъ, что бы было чѣмъ питаться большой семьѣ, а главное—имѣть навозъ для удобренія земли и полей, занимали все послѣобѣденное время до глубокихъ сумерекъ. Сумерки, пока не зажигали огня, служили малымъ отдыхомъ для сестеръ. Тутъ бывало возникалъ споръ между старшими сестрами—кому изъ нихъ первѣе слѣдуетъ занять мѣстечко на печкѣ, такъ какъ, настудившись въ теченіе дня на воздухѣ, каждой изъ нихъ хотѣлось поскорѣе погрѣться.

Но вотъ сумерки кончались; наступалъ зимній длинный вечеръ. Заботливая мать семейства выдвигала „свѣтецъ“, т. е. корыто съ водой на четырехъ ножкахъ съ высокимъ стержнемъ, оканчивавшимся желѣзнымъ треугольникомъ, вставляла въ этотъ треугольникъ приготовленную заранее лучину и зажигала ее. Зажигала отъ искры, выбитой кремнемъ объ огниво и упавшей въ трутъ, отъ которой зажигалась самодѣльная сѣринка, а нынѣшнихъ фосфорныхъ спичекъ въ то время не было въ употребленіи и въ продажѣ. Комната освѣщалась, и всѣ домашніе старшіе члены семьи разсаживались по мѣстамъ, что бы продолжать свой трудъ, но уже

иной формы и новаго вида. Матушка съ дочерьми садились по лавкамъ, каждая съ своимъ гребнемъ, за пряжу нитокъ изъ заранѣ надѣтыхъ на гребень мочекъ льна. Отецъ тоже садился у свѣтца, когда у него не было своего прямого дѣла,—слѣдилъ за горѣніемъ и сгораніемъ лучины и сгорѣвшую замѣнялъ новой. Въ промежутки между этимъ дѣломъ разсказывалъ семейнымъ что нибудь изъ священной исторіи или давалъ объясненіе предстоящаго праздника. Случалось, что онъ иногда по вечерамъ занимался рукодѣльемъ: себѣ и дѣтямъ вязалъ варежки изъ шерсти; случалось, что даже самъ починалъ конскую сбрую.

Зимній вечеръ длиненъ, а ночь еще длиннѣе. Чтобы узнать, сколько прошло вечера или ночи, за неимѣніемъ въ домѣ часовъ,¹⁾ время опредѣлялось по движенію звѣздъ и пѣнію пѣтуховъ. Обыкновенно сидѣли за работою до третьихъ пѣтуховъ, т. е. далѣе полуночи. Во все это время жужжали веретена и вытягивались длинныя и тонкія нити, которыя навивались на „рученьки“ или длинныя шпульки. У искусной пряжи накоплялось за вечеръ и больше рученекъ, потому сестры и соревновали въ этомъ другъ дружкѣ, стараясь одна другую превзойти и количествомъ напряденнаго и качествомъ искусной и тонкой пряжи. Иногда на вечеръ попрясть вмѣстѣ, чтобы не была скучна эта утомительная работа, приходили двѣ старушки-родственницы, да одна бобылка-старая дѣвица изъ крестьянокъ. Этимъ лицамъ въ прежнее время посчастливилось много постранствовать для богомолья и побывать въ разныхъ монастыряхъ, пустыняхъ и обителяхъ—мужскихъ и женскихъ. И вотъ эти странницы въ такіе вечера любили поразсказать про все видѣнное и слышанное ими въ ихъ странствованіяхъ: про житія св. угодниковъ, про чудеса отъ святыхъ мощей и иконъ, про чудесныя сновидѣнія и пророчества прозорливцевъ, про исцѣленія отъ недуговъ и душевныхъ страстей и про многое другое сверхъестественное и таинственное. Вниманіе къ такимъ разсказамъ было полное и впечатлѣніе оставалось такое, что сестрамъ моимъ—дѣвицамъ представлялось, какъ величайшее и высшее счастье получить возможность, подобно старицамъ-разскащицамъ, также постранствовать по святымъ мѣстамъ и обителямъ и помолиться предъ чудотворными иконами и у святыхъ мощей. И дѣйствительно въ послѣдствіи, обычно осенью, убравшись съ полевыми работами, сестры по очереди ходили на богомолье въ Боголюбовъ монастырь, въ города Владиміръ и Суздаль, а одна изъ старшихъ сестеръ совершила богомолье даже въ Кіевъ, потомъ въ Воронежъ, въ Задонскъ и въ Саровъ, еще до открытія и прославленія мощей преподобнаго Серафима; такое длинное путешествіе она совершила все пѣшкомъ и притомъ въ большую распутицу-водополь, во время великаго поста.

Въ теченіе длиннаго вечера, наслушавшись вдоволь разсказовъ старицъ про разныя духовныя и таинственныя вещи и можетъ быть, подѣяніемъ ихъ, сестры мои, обладавшія прекрасными голосами, иногда начинали пѣть „канты“ или духовные стихи. Содержаніе ихъ, какъ и повѣство-

¹⁾ Часы стѣнные (я они были единственнымъ) появились въ нашей семьѣ въ 50-хъ г. прошлаго столѣтія.

ванія странницъ, было духовно-нравственное. Въ нихъ прославлялись подвиги святыхъ и спасительные плоды молитвы, смиренія, незлобія и терпѣнія (какъ наприм., стихъ о Лазарѣ), воспѣвалась прелесть уединенія и удаленія отъ соблазновъ и тревоженій міра (стихъ объ Алексѣ Божіемъ чловѣкѣ), восхвалялась красота пустыни съ ея деревьями, цвѣтами и сладкимъ пѣніемъ птицъ (стихъ объ Іосафѣ царевичѣ), испрашивалась божественная помощь на прохожденіе тернистаго пути настоящей временной жизни (стихъ, начинавшійся словами: Боже, зри мое смиренье, зри мои печальны дни). Такъ проходилъ длинный зимній вечеръ. Онъ заканчивался молитвой. На воскресные дни и праздники отецъ самъ читалъ вечернія молитвы, акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, или канонъ Ангелу Хранителю. Въ будни молились каждый самъ про себя. Молились благоговѣйно и долго. Особенно продолжительна была молитва матушки. Часто просыпаясь ночью, я, при свѣтѣ лампы, всегда горѣвшей предъ иконами, видѣлъ, что матушка еще молится, хотя предъ сномъ своимъ я видѣлъ ее тоже усердно и колѣнопреклоненно молящейся. Матушка моя была и великая постница. Кромѣ четырехъ постовъ въ году и нѣкоторыхъ нарочитыхъ постныхъ дней, какъ, наприм., день Усѣкновенія Главы Предтечи-Крестителя, и кромѣ поста въ среду и пятницу каждой недѣли, она еще „понедѣльничала“, т. е. и въ понедѣльникъ не употребляла ничего скоромнаго, а съ 55 лѣтъ своей жизни совершенно отказалась отъ употребленія мясной пищи. Подражая матери, и дочери ея—мои сестры тоже много постились. Особенно строго соблюдался ими постъ въ св. великую четырехдесятницу. Были дни, когда старшія сестры, согласно требованіямъ церковнаго устава, оставались на одномъ сухоядѣніи, а въ страстную недѣлю, когда исповѣдывались и приобщались Св. Таинъ, онѣ принимали пищу разъ въ день и не болѣе трехъ разъ во всю недѣлю, причемъ также, какъ въ обычные дни, исполняли свои не легкія работы и не пропускали ни одной церковной службы.

Когда оканчивалась вечерняя общая или каждымъ лицомъ своя отдѣльная молитва, члены семьи, простившись другъ съ другомъ, отходили на покой на свое обычное ложе. Отецъ и я спали на „койникѣ“, которымъ называлась кровать, придѣланная къ стѣнѣ около входной двери. Матушка и двѣ ея золовки-старицы спали на печкѣ, сестры мои—на „полатахъ“, иначе сказать на широкихъ доскахъ, приспособленныхъ вверху надъ поломъ подъ самымъ потолкомъ избы. Неудобство и тѣснота въ размѣщеніяхъ семьи въ зимнее время увеличивались еще болѣе, когда въ избѣ устанавливались два стана съ основами для тканья холстовъ. Тогда даже днемъ бывало такъ тѣсно, что негдѣ было, какъ говорится, повернуться. Надо сказать, что изба наша или, какъ нынѣ принято называть жилище людей, домъ нашъ состоялъ изъ двухъ половинъ: одна половина была жилая, другая—холодная, въ родѣ кладовой, въ которую въ лѣтнее время нѣкоторые члены семьи уходили спать. Жилая половина дѣлилась на двѣ не равныя части; въ одной была большая русская печь и чуланъ, гдѣ происходила стряпня; другая половина имѣла видъ гостиной, приѣмной и столовой вмѣстѣ. Въ этой комнатѣ въ переднемъ углу возвышался кіотъ съ

рѣзными св. иконами, предъ кіотомъ стоялъ столъ, по стѣнамъ шли широкія лавки, надъ которыми имѣлись такія же широкія полки для поклажи и храненія на нихъ нужныхъ въ хозяйствѣ вещей и мелкихъ принадлежностей изъ одежды. Къ одной изъ стѣнъ придѣланъ былъ „поставецъ“ или небольшой шкафъ, въ которомъ ставились для всякаго параднаго случая и прїѣзжихъ гостей тарелки, вилки, ножи, чайникъ и чайныя чашки и стаканы ¹⁾. Вотъ и вся меблировка и обстановка нашего жилища. Стѣны его внутри не были ни окрашены, ни обиты обоями, а представляли изъ себя половинчатые брусъ, замшенныя въ пазахъ мохомъ. Эти бѣлые когда то брусъ, отъ времени и отъ освѣщенія жилища лучиной, дѣлались пыльными и темными до черноты,—и вотъ, чтобы придать нашему жилищу болѣе приличный и привѣтливый видъ, сестры мои предъ праздникомъ Св. Пасхи, помнится, всегда въ Лазареву субботу прочищали потолокъ и стѣны дома желѣзными скоблющками, послѣ чего потолокъ и стѣны становились бѣлыми, точно въ новомъ только отстроеномъ домѣ. И была радость всѣмъ намъ въ домѣ, что предъ великимъ, свѣтлымъ праздникомъ Пасхи наше тусклое и темное жилище вдругъ тоже обновлялось и просвѣтлялось! Да такая радость у насъ была и предъ Пасхой и во всѣ дни Пасхи, а остатки и отзвуки этой радости ощущались и долго послѣ Пасхи—во всю весну и лѣто, когда и въ тѣсной избѣ можно было сносно жить и свободно дышать при растворенныхъ окнахъ, а особенно при возможности всѣмъ членамъ семьи пользоваться холодной горенкой, для занятій и спанья. Но не то было зимой, далеко не то. Ахъ, эта зима, зима! Сколько она причиняла намъ горя. Зимой всѣ члены семьи тѣснились въ одномъ помѣщеніи, но оно оттого не нагрѣвалось; въ нѣкоторыя же особенно холодныя зимы мы едва не мерзли отъ холода, такъ какъ домъ былъ старый и въ нѣкоторыхъ углахъ его сквозили щели, хотя онѣ и замазывались старательно глиной, оконныя рамы были не тверды и въ нихъ проникалъ вѣтеръ, изъ-подъ пола тоже дуло. Бывало проснешься утромъ и дрожишь отъ холода, выглянешь изъ-подъ шубы и видишь, что всѣ окна изнутри покрыты льдомъ и отъ мороза разрисованы разными узорами,—на входной двери внизу нависли цѣлыя льдины, которыя приходилось отбивать топоромъ. Въ такихъ случаяхъ отецъ поступалъ такъ: пріотворить дверь и начинаетъ вырубать ледъ, чтобы дверь могла плотнѣе притворяться, а въ это время морозный воздухъ совнѣ такъ и хлынетъ въ избу и начнетъ ходить по ней большими волнами и клубами, заставляя находившихся въ домѣ поскорѣ укрываться по угламъ комнаты и припрятывать ноги. Чтобы въ избѣ сдѣлать потеплѣе—топили печь жарче, но тогда, особенно если пеклись хлѣбы и случалась сложная стряпня, появлялся въ комнатѣ угаръ и такъ на иныхъ членовъ семьи (въ томъ числѣ и на меня) дѣйствовалъ скверно, что угорѣвшихъ приходилось выносить въ холодную горницу и тамъ оставлять на цѣлый день, пользуя ихъ отъ угара тѣми или дру-

¹⁾ Самоваръ въ домѣ завелся въ 1849 г., когда старшій мой братъ поступилъ на мѣсто и этимъ самымъ самоваромъ сдѣлалъ первый подарокъ своимъ родителямъ. До сего времени, въ случаяхъ надобности, самоваръ выпрашивался у богатаго крестьянина мельника.

гими деревенскими средствами. Для того же сбереженія тепла въ холодныя зимы въ окна избы вставлялись обшитыя войлокомъ третьи рамы съ небольшимъ стеклышкомъ—окошечкомъ вверху, отчего въ избѣ дѣлалось хотя теплѣе, но за то становилось много темнѣе. И выходило: куда ни кинь—все клинь. Такъ-то жили и поживали, нуждались и терпѣли, лишались и трудились, изнемогали и не переставали работать, не покладая рукъ, мои родители и сестры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дома и въ школѣ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

(Продолженіе.)

При постоянныхъ занятіяхъ моего отца по церкви, по приходу, по дому и по хозяйству во дворѣ, на усадьбѣ и въ полѣ, каковыя занятія отнимали у него досугъ, какъ зимой, такъ въ особенности лѣтомъ, мое обученіе грамотѣ началось довольно поздно—въ концѣ 8-го года и продолжалось до 10-го года жизни. Ученіе шло непоследовательно, съ большими промежутками и длинными перерывами. Когда же, наконецъ, отецъ урывалъ нѣсколько свободнаго времени, онъ доставалъ старую, оставшуюся отъ старшаго брата славянскую азбуку, давалъ мнѣ въ руки костяную указку (въ родѣ ручки) съ вырѣзаннымъ вверху пѣтушкомъ и, водя моею рукою съ такой указкой, дѣлалъ остановки на буквахъ А, Б и В, причемъ давалъ имъ названія и внушалъ мнѣ запоминать и названія и начертанія этихъ буквъ, равно училъ отдѣлять эти буквы отъ другихъ, напимѣръ, А—отдѣлять въ словахъ: А—нгель, А—нгельскій, А—рхангель, А—рхангельскій,—Б—въ словахъ: Б—огъ, Б—ожество, Б—огородица и т. д. По изученіи буквъ мы принимались за складываніе складовъ, соединяя согласныя буквы съ гласными и наоборотъ—къ гласнымъ прибавляя согласныя, говоря такъ: буки и азъ стало=ба, вѣди и азъ=ва, или: азъ и буки стало=аб, азъ и вѣди=ав и т. д. Послѣ складовъ переходили къ чтенію по псалтири, начиная съ первой каеизмы. Разбирая начальное слово каеизмы — „Блаженъ“ приходилось складывать по слогамъ такъ: буки, люди, азъ=бла; живете, есть, же=блаже; нашъ, ерь... должно бы прочитатъ и сказать=блаженъ, но такъ какъ первые слогі (по множеству ихъ) позабывались, то и не выходило это слово. Начинали складывать снова,—и еще снова. Такой способъ обученія чтенію, называемый буквослагательнымъ, былъ дѣйствительно труденъ и непрактиченъ. Недаромъ въ старину были въ употребленіи поговорки: „научиться читатъ такъ же трудно, какъ камешка откусить“ и „корень ученія горекъ“. Но такъ или иначе, съ трудомъ, неохотой и слезами я всетаки научился читатъ по славянски и по

русски, хотя не скоро и не бойко. Писать не умѣлъ и дома не учился; зналъ молитвы и нѣсколько разсказовъ изъ священной исторіи, умѣлъ сложить и вычестъ въ предѣлахъ цифръ до 10. Съ такой незначительной подготовкой и отправленъ былъ во Владимірское духовное училище. Отъѣздъ въ губернскій городъ, гдѣ я никогда не бывалъ, и разставанье съ родными были для меня очень тяжелы и мучительны. Я такъ привязанъ былъ къ роднымъ и пользовался отъ нихъ такою горячею любовію, что лишиться привычнаго, постоянного и близкаго отношенія моего къ роднымъ для меня представлялось ужаснымъ. Я много плакалъ, плакали и провожавшія меня мать и сестры.

По пріѣздѣ въ городъ, отецъ представилъ меня о. Смотрителю училища, протоіерею Ѡ. М. Н. Тотъ заставилъ меня читать по имѣвшейся у него на столѣ книгѣ. Отъ робости я началъ читать тихо. Отецъ, опасаясь, какъ бы Смотритель не разсердился и не прогналъ насъ, поспѣшилъ что-то положить въ руку Смотрителя и тотъ, улыбаясь, сказалъ—можетъ быть принять въ училище, пусть учится. Поклонившись Смотрителю, мы вышли. Вскорѣ отецъ уѣхалъ, а я остался на квартирѣ вмѣстѣ съ братомъ, который былъ въ выпускномъ богословскомъ классѣ. На квартирѣ, кромѣ насъ, жило еще неловѣкъ восемь учениковъ, въ числѣ коихъ трое мальчиковъ—моихъ сверстниковъ. Это были рѣзвые, смѣлые и шаловливые дѣти: они травили собакъ, кошекъ, лазили по крышамъ дворовъ, разбивали палками или камнями окна у сосѣдей и свои проказы сваливали на меня; хорошо, что у меня былъ братъ, который, зная мою скромность, защищалъ меня. Но такая защита послужила только къ тому, что они, товарищи, стали еще болѣе враждовать противъ меня. Эта незаслуженная мною нелюбовь ко мнѣ товарищей-сверстниковъ была мнѣ очень непріятна и увеличивала мою скуку и тоску по домѣ.

Но вотъ началось время ученія въ училищѣ. Первый классъ, въ которомъ я долженъ былъ учиться, помѣщался въ старомъ, деревянномъ корпусѣ; окна въ немъ до того были низки, что чрезъ нихъ можно было входить и выходить въ лѣтнее время, какъ черезъ дверь. Зимой въ классѣ было такъ холодно, что учителя и ученики во время уроковъ сидѣли въ верхнемъ платьѣ, а что бы ученикамъ еще болѣе согрѣться они, во время смѣнъ между уроками, полюбовно устроили драку—„стѣнка на стѣнку“. Обученіе въ 1-мъ классѣ было не сложное: оно начиналось съ обученія чтенію и письму. Первое для меня было, какъ привычное, легко,—второе было новостью. Какъ приступить къ нему, я не зналъ, но учитель далъ мнѣ пропись и велѣлъ списывать съ нея азы и другія буквы, минуя всѣ предварительныя упражненія, состоящія въ писаніи палочекъ, оваловъ, полуоваловъ, волнистыхъ линій, петлей и другихъ элементовъ, рекомендуемыхъ при письмѣ современной методикой. При обученіи чтенію учитель требовалъ чтенія только громкаго и внятнаго, игнорируя чтеніе выразительное, въ которомъ бы отдѣлялись особенности мысли и чувства и которое свидѣтельствовало бы о пониманіи читаемаго. Этотъ педагогъ, скупая однообразіемъ своихъ занятій, позволялъ себѣ иногда довольно не-

умѣстные шутки: вызоветъ, наприм., ученика къ своему учительскому столу, раскроетъ свою табакерку и грозно скажетъ: „нюхай, а то высѣку“, ученикъ сконфузится, перепугается и заплачетъ, а учителю (то былъ изъ студентовъ семинаріи С. Н. С.) и любо, посмѣется надъ ученикомъ и отпустить. Этотъ же странный учитель обучалъ насъ и пѣнію съ голоса и по обиходу и занимался этимъ предметомъ съ охотой. Мое ученье въ 1-мъ классѣ шло безъ затрудненій, такъ какъ въ нужныхъ случаяхъ мнѣ помогаль и мною руководить мой старшій братъ.

Со 2-го класса училища я остался безъ руководства моего брата, который окончилъ курсъ и поступилъ на мѣсто въ другой городъ. Во 2 кл. учителя для меня были новые и предметы изученія болѣе сложные. Здѣсь преподавались Законъ Божій, элементарная грамматика, ариѳметика и языки латинскій и греческій въ первоначальныхъ ихъ основахъ. Учитель греческаго языка (изъ студентовъ Владимірской семинаріи) А. Е. А. между другими учителями выдавался особою требовательностію и суровостію. Чуть ученикъ, бывало, запнется въ отвѣтъ и сдѣлаетъ ошибку, учитель сейчасъ прибѣгалъ къ расправѣ и наказанію ученика: щипаль за уши, бралъ за вихры, стучаль толстымъ пальцемъ по лбу, или больно ударялъ книгой по головѣ. Сѣченіе проштрафившихся чѣмъ либо учениковъ у него также было въ ходу. Къ сожалѣнію, такой учитель не былъ исключеніемъ среди училищныхъ педагоговъ. Я зналъ другого учителя, у котораго, къ счастью, не учился, такъ какъ онъ учительствовалъ въ другомъ классѣ,— этотъ учитель настолько былъ свирѣпъ, что, разсердившись, грубо бранился, употребляя звѣрскія выраженія, какъ напримѣръ: „изжарю, изжую, сдеру всю кожу“ и дѣйствительно, хотя не жарилъ, но жестоко дралъ учениковъ лозами. Мнѣ, благодареніе Богу, не случилось попасть подъ лозы и испробовать березовой каши ни въ 1-мъ, ни во 2-мъ кл. училища, а это уже было исключительнымъ для меня счастьемъ.

По переходѣ въ 3-й кл. училища я уже хорошо понималъ, что „ученье свѣтъ, а неученье тьма“ и сознательно старался прилежно учиться, но и въ это время болѣе настоящимъ и сильнымъ побужденіемъ къ такому старательному ученью служило для меня желаніе порадовать своими успѣхами родителей и сестеръ. Я всегда помнилъ ихъ постоянную любовь и заботливость обо мнѣ и видѣлъ во очію выраженія этой любви и заботливости. Матушка моя, несмотря на свое слабое здоровье, и въ зимнюю стужу и въ весеннія и осеннія распутицы пріѣзжала въ городъ, что бы навѣстить и провѣдать меня и купить что было для меня нужно, такъ что при всей скудости въ средствахъ моихъ родителей я ни въ чемъ не испытывалъ недостатка и въ средѣ своихъ товарищей считался сыномъ богатыхъ родителей. ¹⁾ Все это я видѣлъ, понималъ и тѣмъ побуждался

¹⁾ Товарищи считали меня сыномъ богатыхъ родителей, и между тѣмъ у этихъ родителей, когда пужно было меня, послѣ вакаціи, отвозить въ городъ и платить за мою квартиру, не оказывалось иногда ни одного гроша денегъ и они вынуждены были продавать нѣсколько мѣшковъ овса, и и свеати на базаръ теленка или овцу. Сыны богатыхъ родителей я, однако, до философскаго класса и въ церковь и на уроки ходилъ въ панковомъ халатѣ, только болѣе чистомъ и твердомъ, чѣмъ у

доставлять имъ радость своими успѣхами, поведеніемъ и взаимною любовью къ нимъ.

Третій и четвертый классы училища я прошелъ благополучно въ числѣ первыхъ учениковъ. Изъ наставниковъ моихъ за это время я съ особою благодарностію вспоминаю о священникѣ Л. А. О. преподавателѣ латинскаго языка, очень добромъ, сострадательномъ и жалостливомъ, имѣвшемъ обычай брать подъ свою защиту тѣхъ слабыхъ учениковъ, о которыхъ думалось ему, что ихъ обижаютъ болѣе сильные и старшіе ихъ товарищи. Съ признательностію вспоминаю и о другомъ преподавателѣ Н. Г. С., который простымъ и привѣтливымъ отношеніемъ къ ученикамъ располагалъ ихъ къ себѣ, а мастерскимъ преподаваніемъ своего предмета—географіи пробуждалъ въ ученикахъ любовь къ этому предмету. Мы ученики съ большимъ вниманіемъ слушали его объясненія, охотно изучали географическія карты и съ любовію чертили ихъ, стараясь искусствомъ черченія превзойти одинъ другого. Такой талантливый преподаватель не лишнимъ былъ бы въ школѣ и въ настоящее время. Какъ выдающійся по своимъ знаніямъ и искусный въ преподаваніи, Н. Г. С. извѣстенъ былъ всему городу, вслѣдствіе чего владимірскіе вельможи, имѣвшіе сыновей, наперерывъ другъ предъ другомъ, приглашали Н. Г. готовитьъ своихъ сыновей въ привилегированныя училища, напримѣръ, въ Пажескій корпусъ, въ училище правовѣдѣнія, въ лицей,—и Н. Г. всегда оказывался на высотѣ своего дѣла и призванія: репетируемые имъ ученики—дѣти сановниковъ выдерживали экзамены блестяще. За то же время обученія не могу пройти молчаніемъ еще одного преподавателя—о. протоіеря Г. М. Ч., преподававшего намъ священную исторію и катихизисъ. Этотъ сановитый, видный и красивый старецъ, рукоположенный во священника еще въ историческомъ 12 году, съ должностію преподавателя соединялъ еще должности инспектора училища и ключаря собора. Задерживаемый исполненіемъ послѣднихъ двухъ должностей, онъ очень часто опаздывалъ приходомъ на уроки и потому не успѣвалъ объяснять намъ уроки какъ слѣдовало бы—обстоятельно, а ограничивался спрашиваніемъ стараго урока и задаваніемъ вновь по принятому шаблону „отселѣ-доселѣ“. О. протоіерей Г. М. Ч., можетъ быть за свое круглое лицо слышій среди школьниковъ подъ названіемъ «омеги», былъ очень уважаемъ среди владимірскихъ жителей, а въ средѣ грамотныхъ людей онъ пользовался доброю извѣстностію какъ составитель житій святыхъ, мощи коихъ почиваютъ въ соборѣ.

моихъ завистливыхъ товарищей; а дочерп этихъ воображаемыхъ богатыхъ родителей — мои сестры носили въ лѣтнюю пору одежду, сдѣланную изъ лично напряденной ими пряжи и собственными руками вытканнаго холста, только окрашеннаго въ видѣ „вабойки“ въ городской красильшѣ. Зимнюю же одежду носили изъ овчинъ своихъ овецъ и зимнюю обувь изъ шерсти тѣхъ же овецъ. Изготовленіе зимней обуви и пошитіе зимней одежды производились не какими либо городскими мастерами, а простыми переходящими изъ села въ село и изъ деревни въ деревню, такъ называемыми, „шерстобитами“ (для изготовленія обуви) и „швецами“ для шитія одежды. Самъ родитель мой въ теченіе 40 лѣтняго священства носилъ лѣтомъ и зимой одну и ту же рясу, а головной уборъ шляпу и въ зимнее время „малахай“—шапку особаго покроя—мѣнялъ не рѣже истеченія десятка лѣтъ.

Весь училищный курсъ наукъ я закончилъ благополучно и, послѣ положенныхъ лѣтнихъ испытаній, удостоенъ былъ перевода въ семинарію. Это было въ 1852 году.

Радостный и счастливый прибылъ я въ родное село на каникулы, или какъ говорилось въ то время—на вакацію; но родныхъ своихъ я нашелъ въ немаломъ горѣ. Причиной этого горя было то обстоятельство, что деревня Палашкино, составлявшая большую часть Чириковского прихода, имѣла отойти отъ него и образовать изъ себя отдѣльный приходъ съ особою церковію и причтомъ. Какъ на причину для такого отдѣленія деревни отъ прихода, палашкинскіе крестьяне указывали на трудность сообщенія между деревней и селомъ, раздѣляемыми большимъ оврагомъ, который въ весеннее время наполняется водою. Съ отходомъ деревни отъ села, если бы то состоялось, въ послѣднемъ оставалось бы всего сто съ небольшимъ душъ. При такомъ малочисленномъ приходѣ священнику съ большою семьей невозможно было бы оставаться. Нужно было ходатайствовать предъ епархіальнымъ начальствомъ о переходѣ въ другой приходъ. Между тѣмъ отцу моему крайне не хотѣлось уходить изъ своего Чириковского прихода. Чириково было его родное мѣсто. Здѣсь его родитель священствовалъ почти 60 лѣтъ, здѣсь онъ самъ уже четвертый десятокъ лѣтъ состоялъ священникомъ. При немъ, вмѣсто деревянной ветхой церкви, построена новая каменная церковь, просторная и благолѣпная. ¹⁾ Въ виду этого родителю моему крайне жаль было оставлять знакомое съ дѣтства мѣсто, жаль было храма, въ которомъ онъ много лѣтъ возносилъ свои молитвы. Жаль было крестьянъ, которыхъ онъ зналъ всѣхъ по имени и отчеству, большинство коихъ крестилъ и вѣнчалъ и между которыми, за свою безпримѣрную нестяжательность и кротость, пользовался непритворною любовію. Наконецъ, жаль было своего поля съ удобренными на немъ „пашнями“, своей усадьбы съ хорошимъ садомъ и своего старенькаго дома, въ которомъ, хотя по зимамъ было очень и очень холодно, но жилось въ немъ тихо, мирно и любовно. При одной мысли о переходѣ въ другой приходъ и на другое мѣсто отецъ впадалъ въ тоску и поминутно тяжело вздыхалъ. Да и матушкѣ моей и сестрамъ тоже не хотѣлось уходить изъ Чирикова. Все здѣсь было знакомое и любимое. Продолжительная жизнь

¹⁾ Чириковскій каменный храмъ (съ отдѣльной колокольней) замѣчателенъ по своей архитектурѣ. Онъ имѣетъ видъ опрокинутой глубокой чаши или скорѣе походить на небесный сводъ, взятый въ мнѣіиатурѣ. Такъ какъ середина его, за неимѣніемъ опорныхъ для свода столбовъ, вся открыта, то въ храмѣ много простора, воздуха и свѣта. Иконостасъ невысокій сдѣланъ искусно и имѣющіеся въ немъ иконы художественнаго письма. Храмъ построенъ въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія усердіемъ прихожанъ при матеріальной¹ пособіи помѣщика чириковскихъ крестьянъ г. Анненкова. Въ храмѣ сначала былъ одинъ престолъ во имя св. великомученика Георгія; впоследствии въ 50-хъ годахъ къ холодному храму пристроены были теплые придѣлы во имя Казанской Божіей Матери (правый) и во имя святителя Николая чудотворца (лѣвый). Доколѣ же не были пристроены эти придѣлы родителю моему долгое время приходилось служить въ холодномъ храмѣ, до того холодномъ, что въ зимнее время у служащихъ отъ холода коченѣли руки, зябли ноги, синѣли лица и изъ глазъ невольно выжимались слезы.

на одномъ мѣстѣ образовала привычку къ этому мѣсту. Оставить его было также тяжело, какъ вырвать дерево изъ земли, пустившее глубоко корни. Матушка и сестры мои привыкли любить чириковскихъ прихожанъ, какъ своихъ домашнихъ людей. За то и отъ прихожанъ они пользовались взаимнымъ уваженіемъ и любовію. За доброту и сострадательность матушки моей къ бѣднымъ людямъ и за ея сердечное и участливое отношеніе къ горю и нуждамъ ихъ ее иначе и не называли наши прихожане, какъ „матушка-кормилица, матушка-жалѣльница“ и всегда благодарили ее и въ глаза и за глаза и были въ высшей степени почтительны къ ней. Почтительны и привѣтливы были чириковскіе крестьяне и къ сестрамъ моимъ—дѣвицамъ и ко мнѣ почти мальчику. Выходимъ, бывало, я и сестры въ какой либо праздничный день изъ церкви, а крестьянскія женщины уже стоятъ рядами вблизи церковной ограды и, завидя насъ, привѣтливо кланяются, спрашиваютъ о здоровьѣ и высказываютъ всякія добрыя намъ пожеланія. И мужчины свою почтительность къ намъ—зеленой молодежи простирали до того, что при встрѣчѣ съ нами, если сидѣли, то вставали и кланялись въ поясъ. Конечно при такихъ добрыхъ взаимныхъ отношеніяхъ чириковскихъ крестьянъ къ своему пастырю и его семейству и обратно—пастыря и его семейныхъ къ прихожанамъ оставленіе Чириковского прихода было тяжело намъ и въ высшей степени нежелательно. Боязнъ невольнаго оставленія этого привычнаго и излюбленнаго мѣста и была причиною явнаго и тайнаго горя моихъ родныхъ и меня самого. Къ счастью, не все время вакаціи моей было испорчено помянутымъ прискорбнымъ обстоятельствомъ. Въ половинѣ августа, около Успеняго дня, отъ палашкинскихъ крестьянъ дошли къ намъ вѣсти, что эти крестьяне, вслѣдствіе размолвки между собою и по оказавшемуся недостатку въ средствахъ, на неопредѣленное, можетъ быть даже продолжительное время, отложили намѣреніе хлопотать объ отдѣленіи своей деревни отъ Чириковского прихода и о построеніи своей отдѣльной церкви. Такое извѣстіе, исходившее отъ достовѣрныхъ людей, успокоило моего отца и заставило его отложить намѣреніе хлопотать о пріисканіи другого мѣста и о переходѣ въ другой приходъ. Успокоилась на время и вся наша семья.

По истеченіи помянутой, не совсѣмъ спокойной для меня вакаціи, я въ октябрѣ 1852²/₃ учебнаго года возвращался изъ родительскаго дома въ г. Владиміръ уже не ученикомъ училища, а воспитанникомъ семинаріи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дома и въ школѣ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

(Окончаніе).

Первымъ классомъ семинаріи былъ классъ низшаго отдѣленія семинаріи, называвшійся иначе „словесностію“, хотя кромѣ словесности здѣсь преподавались латинскій и греческій языки, объясненіе пятокнижія Моисея, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, всеобщая и русская гражданская исторія, алгебра и, по желанію учениковъ, который либо новый языкъ—французскій или нѣмецкій. Словесностію же этотъ классъ назывался потому, что предметъ словесности считали главнымъ предметомъ между другими предметами того же класса и успѣхами учениковъ по этому предмету главнымъ образомъ и опредѣлялось ихъ достоинство и мѣсто въ разрядныхъ спискахъ. Отдѣленій этого класса, по многочисленности учениковъ, было три. Я попалъ въ 1-е отдѣленіе. Здѣсь преподавателемъ словесности былъ кандидатъ Кіевской Дух. Академіи А. И. Р., кроткій и хорошій человекъ. Преподаваніе словесности онъ ограничивалъ лишь тѣмъ, что уяснялъ правила реторики и піитики съ приведеніемъ лишь немногихъ отрывковъ изъ сочиненій Ломоносова, Державина и Жуковского, какъ примѣровъ для объясненія такъ называемыхъ „троповъ и фигуръ“ въ словесныхъ произведеніяхъ. О послѣдующихъ за Жуковскимъ писателяхъ: Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ г. преподаватель намъ ничего не сообщалъ. Одинъ только разъ онъ безъ всякаго объясненія прочиталъ намъ „Ревизора“ Гоголя, причемъ самъ помиралъ со смѣху. Къ сожалѣнію, и для самостоятельнаго знакомства съ современной литературой мы не имѣли средствъ, такъ какъ въ нашей семинарской библіотекѣ было много книгъ духовнаго содержанія, а по художественной литературѣ очень мало. Оставалось ученикамъ, любящимъ литературу, добывать сочиненія въ родѣ сочиненій Пушкина, Гоголя, Лермонтова, у своихъ знакомыхъ и родныхъ и читать эти сочиненія подъ строгимъ секретомъ. И были такіе

ученики, добывали помянутыя сочиненія и съ наслажденіемъ читали ихъ. Часть же учениковъ, менѣе даровитая и серьезная, ограничивалась чтеніемъ (тоже подъ секретомъ) сочиненій Марлинскаго, Нарѣжнаго и переводнаго романа „Вѣчный жидъ“ Евгенія Сю и подобныхъ дѣло не классическихъ произведеній. Занимаясь съ большимъ усердіемъ словесностью, какъ главнымъ предметомъ среди другихъ предметовъ этого класса, мы-ученики съ неменьшимъ усердіемъ старались изучать и греческій языкъ, хотя онъ и не считался нами особенно важнымъ сравнительно съ словесностію. Это мы дѣлали изъ желанія угодить и доставить удовольствіе молодому, только что назначенному на греческій языкъ преподавателю, магистру Кіевской Дух. Академіи М. Н. Ф. Онъ съ первыхъ же шаговъ своей преподавательской дѣятельности овладѣлъ нашими къ нему симпатіями. Юный, съ пріятнымъ лицомъ, тихій и застѣнчивый онъ на урокахъ своихъ смотрѣлъ на насъ ласково, говорилъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, стараясь подражать въ выговорѣ своему,—какъ замѣтили нѣкоторые изъ насъ, малороссійскому говору, хотя происхожденіемъ своимъ молодой преподаватель былъ истый владимірецъ, какъ сынъ бывшаго владимірскаго протоіерея и имѣвшій брата, занимавшаго профессорскую должность въ той же владимірской семинаріи. М. Ив. очень интересовалъ насъ. Слушая его мелодическую рѣчь и смотря на его молодое, красивое и улыбающееся лицо, кто изъ насъ—его учениковъ могъ подумать, что этотъ по виду жизнерадостный преподаватель, чрезъ нѣкоторое непродолжительное время, приметъ монашество, а еще чрезъ нѣкоторое время станетъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи (Костромской) и, начавъ идти въ гору съ отличіями и почетомъ, вдругъ оборвется и, катясь ниже и ниже по наклонной плоскости, закончитъ свою карьеру такимъ, какъ извѣстно многимъ владимірцамъ, печальнымъ и бѣдственнымъ образомъ. Какъ свидѣтельство о томъ, остается его одинокая и забытая могила на кладбищѣ Спасо-Евфиміевскаго монастыря въ г. Суздаль.

Въ слѣдующій за классомъ „словесности“ такъ называемый „*философскій классъ*“ или—среднее отдѣленіе семинаріи, соотвѣтствующее нынѣшнимъ 3 и 4 классамъ семинаріи, я перешелъ первымъ ученикомъ по списку. Мѣсто это (въ своемъ отдѣленіи) я занялъ послѣ переводнаго экзамена, на которомъ предсѣдательствовалъ ректоръ архимандритъ Платонъ, впослѣдствіи костромской епископъ. Этому ректору семинаристы очень не любили за его суровость и строгость и за то еще, что онъ будто бы приближалъ къ себѣ наушниковъ и доносчиковъ и вѣрилъ получаемымъ имъ анонимнымъ письмамъ. На этого ректора кѣмъ-то изъ учениковъ составлено было саркастическое четверостишіе.¹⁾ Вотъ этотъ ректоръ Платонъ, лысый, темнокожій, съ узкими, какъ щелки, глазами, и экзаменовалъ насъ словесниковъ. Выслушавъ отвѣты ученика на данные ему вопросы, онъ имѣлъ еще обычай заставлять сейчасъ написать сочиненіе и самъ давалъ для сего ту или другую тему. Мнѣ онъ велѣлъ написать періодъ постепенный на тему: „Добро добра добройши“. Я напи-

¹⁾ См. Исторія Влад. дух. семинаріи, вып. 2, стр. 236, примѣч. 2.

салъ такъ: „Творенія Божіи имѣють различныя совершенства и достоинства. Величественна и прекрасна внѣшняя природа съ постоянными смѣнами дня и ночи, лѣта и зимы, съ чудными свѣтилами небесными и съ разнообразными прекрасными произрастеніями и животными на землѣ. Несравненно прекраснѣе и величественнѣе того разумнаго существа люди—образъ и подобіе Божіе, а выше ихъ и совершеннѣе міръ духовный—міръ ангеловъ, всегда исполняющихъ волю Божію и величающихъ и прославляющихъ имя Его. Выше же всего и совершеннѣе и „добрѣйши“ всего Самъ Творецъ неба и земли благій Промыслитель вселенной Господь Богъ“. Ректору понравилось мое сочиненіе и онъ, кажется, своею рукою передвинулъ меня въ списокъ съ 3-го на 1-е мѣсто.

Въ философскомъ классѣ преподавались логика, психологія, св. писаніе, библейская и церковная исторія, патристика, физика и языки латинскій и греческій. Философскихъ отдѣленій было три. Я учился въ третьемъ отдѣленіи. Изъ всѣхъ преподавателей этого класса мнѣ помнится болѣе преподаватель, такъ называемыхъ, главныхъ предметовъ этого класса, логики и психологіи І. Т. С. Онъ былъ уже въ лѣтахъ съ замѣтною просѣдою въ вискахъ и имѣлъ въ петлицѣ знакъ отличія за 15-лѣтнюю службу. Какъ преподаватель, онъ былъ съ большою эрудиціей и кромѣ предметовъ по своей каѳедрѣ, какъ говорили, зналъ основательно еврейскій языкъ. Давая ученикамъ уроки, онъ однако объяснялъ ихъ мало, а требовалъ твердаго знанія этихъ уроковъ. Онъ въ своемъ классѣ завелъ такъ называемые „нотаты“, въ которыхъ сами ученики баллами должны были отмѣчать степень своего знанія урока,—и бѣда была ученику, если онъ, зная урокъ плоховато, отмѣчалъ его хорошимъ балломъ! Преподаватель строго взыскивалъ съ такого ученика и подвергалъ унизительному наказанію, напримѣръ, стоянію на колѣнахъ. Нѣсколькими годами раньше этотъ преподаватель, какъ рассказывали о немъ бывшіе его ученики, былъ еще строже, не сдержаннѣе и запальчивѣе, доходя въ раздраженіи до того, что билъ учениковъ по щекамъ и по головѣ. Въ настоящее время такого преподавателя ни ученики, ни начальство его не потерпѣли бы даже въ теченіе какого либо полугода. Мы же ученики третьяго отдѣленія философіи терпѣли своего, хотя и умнаго, но сердитаго и грознаго преподавателя и только завидовали ученикамъ 1-го и 2-го отдѣленій, гдѣ были болѣе гуманные и корректные преподаватели, какъ напри., магистръ Кіевской академіи Д. Θ. П. и магистръ М. Д. академіи Г. Θ. Н. Впрочемъ мы—третьеотдѣленцы имѣли въ одномъ отношеніи и преимущество предъ учениками параллельныхъ съ нами отдѣленій: у насъ былъ прекрасный преподаватель физики и сельскаго хозяйства Н. Я. Д. Правда, и въ тѣхъ двухъ отдѣленіяхъ былъ также талантливый и умный преподаватель физики и сельскаго хозяйства, но онъ не рѣдко страдалъ такою несчастною слабостію, которая не позволяла ему заниматься дѣломъ, какъ слѣдуетъ и какъ могъ бы онъ по своимъ знаніямъ. Нашъ же Н. Я. Д. очень интересовалъ насъ, какъ своими содержательными и практическими уроками по земледѣлію, огородничеству и садоводству, такъ и уроками по физикѣ,

но особенно своими рассказами и объяснениями о флорѣ и фаунѣ не какого либо иного края, а нашей родной Владимірской губерніи. Отличія и особенности природы родной намъ мѣстности онъ описывалъ такъ красиво и живописно, что мы-ученики чѣмъ болѣе слушали, тѣмъ больше хотѣлось слушать. Н. Я. Д. и г. С. получили высшее образованіе въ Горыгорѣцкой сельско-хозяйственной школѣ, предварительно окончивъ курсъ наукъ во Владимірской семинаріи.

Богословскій классъ, иначе высшее отдѣленіе семинаріи, былъ послѣднимъ классомъ, завершавшимъ шестилѣтнее обученіе воспитанниковъ семинаріи. Курсъ ученія въ немъ, какъ въ словесномъ и философскомъ классахъ, былъ двухлѣтній. Въ современныхъ семинаріяхъ прежнему богословскому классу соотвѣтствуютъ 5 и 6 классы. Въ богословскомъ классѣ было три отдѣленія. Я учился во 2 отдѣленіи. Здѣсь въ числѣ преподавателей выдѣлялся одинъ очень талантливый и способный преподаватель, знавшій свой предметъ, такъ называемое, обличительное богословіе, или ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, всесторонне и основательно. Мы—воспитанники слушали лекціи своего преподавателя съ охотою и увлеченіемъ, тѣмъ болѣе, что преподаватель располагалъ насъ къ себѣ и своимъ добрымъ и мягкимъ отношеніемъ, дававшимъ намъ возможность обращаться къ нему съ своими школьными недоумѣніями и затрудненіями. Жаль, что такой даровитый профессоръ (онъ былъ магистръ Москов. академіи), овдовѣвши, подъ вліяніемъ семейнаго горя, сталъ прибѣгать за утѣшеніемъ, какъ молодецъ въ народной повѣсти, „о горѣ злосчастіи“ къ синему кувшину. Вслѣдствіе злоупотребленія алкоголемъ сталъ нуждаться въ такой степени, что по зимамъ сидѣлъ въ нетопленной квартирѣ по цѣлымъ суткамъ, простудился, заболѣлъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда уже меня не было въ семинаріи, скончался.

Въ томъ же богословскомъ классѣ вниманіе ученика привлекалъ еще одинъ преподаватель и въ то же время ректоръ семинаріи. Это былъ ректоръ архимандритъ Леонтій, назначенный на мѣсто ректора Платона изъ инспекторовъ Кіевской академіи, впослѣдствіи бывшій нѣкоторое время Московскимъ митрополитомъ. Молодой, высокій ростомъ, красивый онъ уже однимъ видомъ своимъ производилъ импонирующее впечатлѣніе. Предметъ свой догматическое богословіе онъ преподавалъ всѣмъ тремъ отдѣленіямъ вмѣстѣ, собирая учениковъ въ обширную рекреаціонную залу. Методъ преподаванія употреблялъ собесѣдовательный. Такъ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла, объяснивъ какую либо догматическую истину, онъ обращался къ кому либо изъ учениковъ съ требованіемъ повторить выслушанное, потомъ тому или другому ученику давалъ аналогичный съ прежде уясненной истиной вопросъ, требуя отъ ученика соотвѣтственнаго, самостоятельнаго отвѣта. При затрудненіи ученика дать надлежащій отвѣтъ на помощь ему вызывался еще новый ученикъ. Такими методическими приѣмами онъ поддерживалъ вниманіе учениковъ, вызывалъ на размышленіе и вѣрнѣйшимъ способомъ приучалъ учениковъ къ сознательному и прочному усвоенію преподаваемыхъ имъ истинъ вѣры и нравственности.

Какъ ректоръ, архимандритъ Леонтій былъ хорошій, опытный и уравновѣшенный начальникъ: властный и требовательный, но безъ излишней строгости и суровости, снисходительный и гуманный, но безъ слабости. Ученики любили и уважали ректора, гордились имъ и боялись оскорбить его какими либо дурными и нетерпимыми поступками. Вслѣдствіе сего, безъ особыхъ регламентацій и суровыхъ правилъ какъ бы сама собою установилась въ семинаріи здоровая и правильная дисциплина. Насколько въ самомъ дѣлѣ владимірцы семинаристы того времени проникнуты были сознаніемъ важности дисциплины и насколько они пріучились охранять порядокъ, приличіе и проявлять скромность и уваженіе къ начальствующимъ и учителямъ своимъ, могутъ о томъ свидѣтельствовать такіе случаи. Вотъ, наприм., у воспитанниковъ одного изъ старшихъ классовъ окончился послѣдній урокъ. Всѣ они дружной толпой высыпали изъ класса. Тошię ихъ желудки побуждаютъ ихъ спѣшить—торопиться ко шамъ и кашѣ на свои квартиры, но вотъ препятствіе: впереди семинарскимъ дворомъ не спѣша идетъ ихъ преподаватель, обогнать его считалось поступкомъ неприличнымъ и недозволительнымъ, потому волей-неволей приходилось ученикамъ шагъ за шагомъ выступать за своимъ менторомъ, пока онъ не пройдетъ семинарскимъ дворомъ, и только послѣ сего каждый изъ солидно выступавшихъ за своимъ педагогомъ учениковъ уже не шелъ, а можно сказать стрѣлою летѣлъ въ свое мѣсто къ обѣду. А вотъ другой примѣръ. Вечеромъ въ своей квартирѣ ученики готовятъ уроки. Въ комнатѣ тишина, вдругъ отворяется дверь и въ квартиру входитъ нѣкая личность. Всѣ ученики-жильцы квартиры, не исключая и шестиклассниковъ, оканчивающихъ курсъ своего ученья, поспѣшно встаютъ и скромно и почтительно стоятъ, пока вошедшій не дастъ знать, чтобы сѣли. Кто же это, внушающій къ себѣ такое уваженіе? Начальникъ-ректоръ, или инспекторъ, или преподаватель? Нѣтъ, это только ученикъ 6-го класса—товарищъ тѣхъ шестиклассниковъ, которые минуту назадъ стояли предъ нимъ, что называется, въ струнку, и отличающійся отъ нихъ лишь названіемъ „старшаго“, какое названіе дано ему семинарскимъ начальствомъ вмѣстѣ съ порученіемъ и обязанностію помогать инспекціи наблюдать за учениками, живущими по квартирамъ въ извѣстномъ районѣ и въ случаяхъ неисправностей и безпорядковъ, замѣченныхъ за тѣми учениками, доносить о томъ инспектору. Такъ въ ректорство Леонтія уважалась всякая власть и всякое начальство, хотя бы по существу своему послѣднее и не представляло въ личности своей ничего особенно авторитетнаго.

Въ богословскомъ классѣ между многими преподаваемыми здѣсь предметами духовнаго и церковнаго характера въ описываемое мною время преподавалась еще, хотя не духовная, но очень важная и полезная наука — медицина. Преподавалъ ее докторъ семинаріи очень извѣстный въ г. Владимірѣ М. Н. А., бывшій въ тоже время городскимъ врачомъ и врачбнымъ инспекторомъ. На лекціяхъ своихъ онъ знакомилъ насъ сперва съ анатоміей и фізіологіей, потомъ переходилъ къ исчисленію разныхъ видовъ и формъ болѣзней и къ способамъ ихъ лѣченія, останавливая, между про-

чимъ, наибольшее вниманіе на необходимости соблюденія правилъ гігіены и діеты. Слушать уроки по медицинѣ собирались ученики всѣхъ трехъ отдѣленій въ ту же залу, гдѣ преподавалъ богословіе ректоръ Леонтій. Нельзя сказать, что бы всѣ ученики прилежно и внимательно относились къ урокамъ по медицинѣ, но были и такіе, которые очень интересовались лекціями г. доктора и старательно ихъ записывали. И надо сказать, что дѣлали они это не напрасно, такъ какъ въ разсматриваемое время, когда по селамъ и деревнямъ нашимъ не было ни докторовъ, ни фельдшеровъ, жившихъ обыкновенно только въ губернскихъ городахъ, сельскіе пастыри, имѣвшіе даже ограниченныя свѣдѣнія по медицинѣ, могли быть и дѣйствительно были полезными и желательными совѣтниками и пособниками при лѣченіи больныхъ изъ своей деревенской паствы.

Въ 1857 году въ іюлѣ мѣсяцѣ любимый и уважаемый учениками ректоръ и вмѣстѣ интересный профессоръ, магистръ богословія, архимандритъ Леонтій переведенъ былъ на такую же должность въ Новгородскую семинарію. Предъ отъѣздомъ своимъ къ новому мѣсту служенія, прощаясь съ нами—бывшими его усердными слушателями и почитателями, Леонтій долго бесѣдовалъ, давая разные совѣты и наставленія и, между прочимъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: въ нынѣшнемъ году есть вызовъ лучшихъ учениковъ разныхъ семинарій въ С.-Петербургскую и Кіевскую академіи, не теряя времени держите экзаменъ (волонтеромъ) въ которую либо академію, лучше всего—въ С.-Петербургскую. Совѣтъ уважаемаго ректора я исполнилъ и въ августѣ того же 1857 года держалъ экзаменъ, именно въ Петроградскую духовную академію, въ которую и былъ принятъ.

Года за полтора до поступленія моего въ академію родитель мой сдалъ свое мѣсто въ селѣ Чириковѣ дочери (какъ обыкновенно въ средѣ духовенства принято выражаться въ подобномъ случаѣ) съ пріисканіемъ къ дочери правоспособнаго для занятія священническаго мѣста жениха изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи, самъ же родитель вышелъ въ заштатъ. Нѣсколькими годами раньше сего, приблизительно подобнымъ же образомъ, устроены были двѣ старшія дочери моихъ родителей. Именно такъ: у родителя моего были два близкихъ родственника—священники: братъ и племянникъ. Братъ священствовалъ въ селѣ Любцѣ, Ковровскаго уѣзда, племянникъ—въ селѣ Самарѣ за Клязьмой. Когда эти родственники умирали, не оставляя послѣ себя дочерей, родитель мой въ такихъ случаяхъ обращался къ Преосвященному Пароенію, ходатайствуя предъ нимъ о зачисленіи мѣстъ въ Возѣ почившихъ іереевъ за родственниками ихъ—дочерьми многосемейнаго священника, приходившагося одному изъ почившихъ братьямъ, другому дядей. И благостный Архипастырь, слѣдуя издавна существовавшему обычаю зачислять мѣста умершихъ священнослужителей за ихъ дочерьми и родственниками, приказывалъ моему родителю подыскивать для дѣвицъ-невѣстъ жениховъ изъ студентовъ семинаріи. Таковые находились и, по рукоположеніи во священника, опредѣлены были: одинъ въ

село Любецъ, другой—въ Самару, иначе называемую „Погребищемъ“. Конечно эти два опредѣленія совершились не въ одно и тоже время, а чрезъ значительные промежутки времени.

Состоя въ заштатѣ, родитель мой не оставался безъ дѣла; онъ, съ дозволенія своего начальства, временно исправлялъ должность священника, сначала въ селѣ Быковѣ, Ковровскаго уѣзда, потомъ въ Бродницахъ, Влад. уѣзда. Нести не легкій трудъ какъ-бы странствующаго священника заставляла моего родителя нужда, такъ какъ въ то время пенсіи духовенству не полагалось, а у отца на попеченіи и содержаніи, кромѣ супруги, меня — воспитанника семинаріи, а потомъ студента академіи, оставались еще три дочери. Для своей семьи, пропитанія и содержанія ея и продолжалъ трудиться родитель, исправляя должность священника, въ первый разъ вмѣсто больного, во второй вмѣсто отсутствующаго священника. Такая служба его, требовавшая перемѣщенія съ мѣста на мѣсто, при преклонныхъ его лѣтахъ, была ему не по силамъ, и вотъ онъ обратился къ бывшему въ то время Владимірскимъ епископомъ Іустину съ покорнѣйшею просьбою—соблаговолить—предоставить ему—много потрудившемуся старцу какое либо постоянное—штатное мѣсто, хотя бы въ небольшомъ и бѣдномъ приходѣ. Преосвященный Іустинъ, по справкѣ узнавши о продолжительномъ, безукоризненномъ и полезномъ священнослуженіи священника о. Афанасія Полисадова и о томъ, что онъ болѣе 20-ти лѣтъ безмездно проходилъ должность духовника въ одномъ изъ благочиній Владимірскаго уѣзда, опредѣлилъ его въ небольшой приходъ—въ село Барское Городище, Суздальскаго уѣзда. Прослуживъ здѣсь года три, родитель мой, вслѣдствіе окончательно разстроившагося здоровья, слѣдуя прежнимъ примѣрамъ, съ благословенія преосвященнаго Теофана, сдалъ мѣсто свое младшей дочери. Такимъ образомъ изъ трехъ дочерей, остававшихся не устроенными, Богъ помогъ родителю устроить еще одну дочь. Двѣ же дочери его такъ и остались дѣвцами и впослѣдствіи, по смерти родителей, жили у своихъ замужнихъ сестеръ, помогая имъ въ хозяйствѣ и занимаясь воспитаніемъ ихъ дѣтей.

Живя на покоѣ въ селѣ Барскомъ Городищѣ—на мѣстѣ своего послѣдняго священнослуженія, о. Афанасій за свое добродушіе, соединенное съ примѣрнымъ смиреніемъ и кротостію, по прежнему, точно не былъ въ заштатѣ, продолжалъ пользоваться уваженіемъ и любовію отъ всѣхъ людей, знавшихъ его, начиная съ рѣдственниковъ и оканчивая бывшими его прихожанами. Многіе изъ послѣднихъ, питая къ нему уваженіе и любовь, еще вѣрили въ особую силу его молитвъ, почему въ случаяхъ болѣзни своей, обращались къ нему съ просьбами помолиться за нихъ. Женщины же, имѣвшія больныхъ младенцевъ, и зная не хотѣли никакого другого средства, какъ только то, чтобы о. Афанасій „почиталъ“ надъ ихъ больными малютками. О. Афанасій въ такихъ случаяхъ дѣйствительно „читалъ“, или иначе сказать молился о ниспосланіи здоровья дѣтямъ, „читая“ положенныя для сей цѣли молитвы по церковному требнику, при чемъ имѣлъ обычай возлагать на головку больного свою епитрахиль и давалъ цѣло-

вать крестъ. Такимъ образомъ любовь, довѣріе и уваженіе со стороны всѣхъ знавшихъ о. Афанасія сопутствовали ему во всю его долгую временную жизнь, они же сопроводили его и въ блаженную вѣчность. О. Афанасій скончался въ 1870 году, имѣя 80 лѣтъ отъ роду. Черезъ три года послѣ его смерти скончалась и его вѣрная и преданная ему супруга и похоронена тамъ же въ церковной оградѣ, гдѣ погребенъ и ея супругъ—священноіерей Афанасій. На памятникъ, находящемся на ихъ могилѣ, на металлической доскѣ выгравированы слѣдующія слова Св. Писанія, такъ близко подходящія къ характеристикѣ личностей почившихъ: „похваленіе наше сіе есть, свидѣтельство совѣсти нашея, яко въ простотѣ и чистотѣ Божіей, а не въ мудрости плоти жихомъ въ мірѣ“ (2 Кор. 1, 12).
